

«ЗНАНИЕ О КУЛЬТУРЕ: СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ»

Круглый стол ИГИТИ ГУ-ВШЭ

4 марта 2008 г.; Мясницкая, 20, ауд.309

Заседание 1. Знание о культуре: проблемы преподавания

Вопросы для обсуждения:

- Знание о культуре и идея университета. Культурология и *cultural studies* в системе высшего образования в России и на Западе - проблема дисциплинарных границ.
- Нормы воспроизводства знания и образовательные стандарты: кто их задает, как они распознаются, кто им следует.
- Новые образовательные программы: как «собирается» знание, какие каналы используются, какая система авторитетов актуальна. Проблема канона и традиции применительно к знанию о культуре. Авторский курс и канон.
- Антропология студента: кто является адресатом при передаче знания, в какой мере адресат конструирует образ знания о культуре и «культурологию» как учебный предмет.
- Проблемы преподавания в конкретных вузах и возможные способы их разрешения (обмен опытом).

Ведущая - Наталья Владимировна Самутина, кандидат культурологии, ст. научный сотрудник ИГИТИ ГУ-ВШЭ, ст. преподаватель кафедры анализа социальных институтов

Ирина Максимовна Савельева, д.и.н., профессор, директор ИГИТИ ГУ-ВШЭ

Дорогие друзья, уважаемые коллеги! Я хочу вам рассказать, как возникла идея этого круглого стола. Возникла она в совершенно специфических исторических условиях. В ГУ-ВШЭ в прошлом году решили создать отделение культурологии, кафедру наук о культуре. Но при этом очень многие причастные к созданию этого направления, т.е. пропускающие на разных стадиях бумаги, которые нужны для того, чтобы создать отделение, не понимали - что это такое, и задавали вопросы: «чем вы будете заниматься?» и «кого вы будете готовить?». Кроме этого специфического обстоятельства, есть еще достаточно много серьезных обстоятельств, чтобы говорить сегодня долго и в разных ракурсах о науках о культуре, *cultural studies*, о культурологии.

Первое – это то, что культура в XX веке приобрела предельно широкое толкование или даже беспредельное! Так или иначе, она включает то, что раньше было областью антропологии, этнографии, истории цивилизаций. Эти области знания теперь замыкаются в пределах культуры, поэтому есть основания говорить еще раз и с разных позиций, что такое культура, т.е. что такое предмет наук о культуре.

Второе – это появление в конце XX века всем теперь известного, довольно агрессивного направления *cultural studies*, представители которого сначала были против академической науки, а в итоге оказались очень активными в завоевании именно академических позиций. Они очень сильно потеснили традиционные дисциплины, сильно поменяли, в частности, в Америке, соотношение сил между традиционным, например, историческим образованием и современными культурными исследованиями, которые, конечно, присутствуют и в нашем дискурсе. И я уверена, что многие до конца не представляют себе степень идеологизированности этого направления.

Наконец, последнее, – это ситуация в России с культурологией, которая, в отличие от *cultural studies*, которым приходилось с большим трудом очень активно пробиваться на академическую сцену, у нас заняла вакантное место, стала базовой дисциплиной. И это, как уже неоднократно говорила и писала Галина Ивановна Зверева, создало много разных проблем в преподавании культурологии и определении дисциплинарных границ этого направления. Я думаю, сегодня мы будем говорить об этом, может быть, и не только об этом. И, как мы уже решили, это будет разговор о преподавании, образовании и науке. Но мы разнесли эти два дискурса по двум разным частям нашего обсуждения.

Галина Ивановна Зверева, д.и.н., проф., зав.кафедрой истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ

Добрый день, уважаемые коллеги. Я больше рассчитывала на формат круглого стола, но, тем не менее, заботливо приготовила табличку, которая будет основой моего рассуждения. Это тезисы, которые я постараюсь быстро пересказать. Я воспользовалась предложениями организаторов круглого стола и взяла на вооружение одну из формул: «Культурология и *cultural studies* в системе высшего образования в России и на Западе». Здесь речь идет о культурологии и *cultural studies* и как о научном знании, знании о культуре, и о том, как эти две области знания по-своему переводятся в образовательные практики. И то, и другое послужило основанием для того, чтобы построить такую табличку – «Культурные исследования и российская культурология: сопоставление исследовательских и образовательных позиций».

Я попыталась сопоставить (и пытаюсь все время это делать) работы западных авторов (тех авторов, которых мы называем «западные» авторы, прошу прощения за это слово, так удобнее сказать) и ключевые работы российских авторов, работы близкие по жанру. Я их называю «презентационные» - это условное название работ, в которых презентуется эта отрасль знания: с одной стороны - теоретические позиции, познавательные подходы, концепты, проблемные поля, с другой - образовательные практики. Сопоставление таких обзорных текстов позволяет сделать выводы, которые и будут представлены в виде коротких тезисов.

Прежде всего нужно иметь в виду, что опыт *cultural studies* – это другой опыт или другой бэкграунд, специфика которого часто совершенно не учитывается. Я имею в виду социально-исторические политические, идеологические, интеллектуальные и научные условия возникновения культурных исследований и российской культурологии, принципиальную разницу в процессах и формах институционализации культурных исследований в 50-70 годах XX века и культурологии в 90-е и 2000-е. Я не буду подробно останавливаться на этих исторических различиях, поскольку хочу остановиться на принципиальной разнице культурологии и *cultural studies* как моделей знания, ибо сходства между ними, к сожалению, очень мало.

Прежде всего, анализируя опыт культурных исследований, я хотела бы подчеркнуть, что в этом корпусе знания речь идет не об изучении культуры как сущности, а об исследовании того, что называется «культурный объект». Иначе говоря, слово «культура» используется не как существительное, а как прилагательное. Любой объект может стать культурным под взглядом исследователя. Это выражается и в других базовых понятиях – таких, как «культурный артефакт», «культурная форма», «культурный процесс», «культурная практика». Культурный объект трактуется как нечто изменчивое, с открытыми, подвижными значениями. В российской же культурологии преобладает другая традиция. Культура изучается как существительное, как сущность, как объект реального мира с набором определенных признаков и присущих им значений. Отсюда известная оппозиция, которая транслируется из текста в текст, то, что называется противоположность «природа-культура». Эта конечность, завершенность культурного объекта есть констатация так называемой «объективности» культуры. Когда мы открываем любой нормативный текст по российской культурологии, мы видим, с чего начинаются рассуждения автора, – акцент делается на результатах человеческой деятельности, так называемой материальной и духовной сфере.

Кроме того, в западных культурных исследованиях, сперва британских, потом американских, теперь уже австралийских, японских, южно-африканских и т.д. сначала была критика, а затем – преодоление позиции, которую я называю позиция «аристократичности идеи культуры». Понятие культуры актуализировано и реабилитировано в связи с обсуждением феноменов и форм популярной и массовой культуры. В российских практиках это остается во многом не принятой позицией. В российских исследованиях и образовательных практиках по-прежнему наблюдается противопоставление высокой и низкой культуры, причем низкая культура выводится за пределы культурного, выделяется концепт некультурного.

В западных культурных исследованиях наблюдается последовательная критика и преодоление гомогенности культуры, т.е. акцент исследователя и преподавателя делается на вариативности, множественности культурных форм, на дифференциации культурных практик. В российской культурологии сохраняется приверженность идее гомогенности культур, и главное здесь - подчеркнуть внутреннюю общность и единство, монолитность того, что называется культура. Здесь мне могут возразить, что у Реймонда Уильямса был очень важный тезис, который сохраняет свое значение, – «культура как образ жизни». Такое антропологическое понимание культуры в работах современных последователей *cultural studies* не означает этой самой гомогенности: холизм, но не гомогенность. Внутреннее напряжение внутри этой целостности и различия и различения разных культурных форм – это абсолютный приоритет культурных исследований.

В западных исследованиях была критика и наблюдается преодоление позиции вневременной универсальности культуры. Акцент делается на историчности культурных форм и практик. В российской версии приоритет отдается универсализму культурных форм и их онтологизации, или, более жестко будем говорить, реификации. Взять, например, известное слово «цивилизация» и производное – наука «цивилизациология», которая сейчас, как говорят ее адепты, заточена под «россиецентричную» картину мира. Эта заточка, отшлифовка сопровождается усилением тренда, тенденции реификации культурных форм. Здесь расхождения колоссальные. Мы говорим, имея в виду *cultural studies*, «культурные измерения объекта с точки зрения смыслополагания», «субъективного означивания», «именования», «символизации в условиях социальных коммуникаций». В российских практиках используются концепты «картина мира»,

«ментальность», но используются чаще всего для подтверждения идеи объективной монолитности культуры.

Важно то, что в западных *cultural studies* не изучается культурный объект в единичном виде. Не сам по себе он изучается, не как вещь, не как сущность, а исключительно – в системах отношений. У меня на этот счет есть увлекательная история. О том, почему я не научилась рисовать. Мой муж – художник, искусствовед. С младенчества он учил дочь рисовать. В три года она уже умела кисть держать, краски смешивать. Я сказала мужу: «Научи меня рисовать!». Я начала рисовать, муж сказал: «бесперспективно». Хотя, вообще-то, можно и лошадь научить рисовать. Но меня нельзя. Я спросила, почему нельзя? И он мне сказал очень важную вещь, которая имеет прямое отношение к различию между *cultural studies* и российской культурологией. Он сказал: «У тебя глаз не так настроен. Ты рисуешь вещь. Я ставлю натюрморт, и ты рисуешь в отдельности бутылку, стакан, стол, драпировку... Художник не рисует вещь. Он всегда выстраивает отношения между вещами». Это разница между *cultural studies* и российской культурологией. Только в отношениях, в коммуникации выстраивается то, что называется «система значений» – открытых, подвижных, исторически изменчивых, дифференцированных, и т.д. Исходя из этих позиций, в *cultural studies* преобладает инструменталистское, т.е. операциональное понимание теории и методологии. Позиция, непривычная для российского исследователя. Непривычная в том смысле, что здесь отчетливо наблюдается приверженность теоретико-методологической эклектике. Но вместе с этим и возвышается исследовательская субъектность, ответственность исследователя за выбранную позицию. Свою позицию он никогда не скрывает, представляя свое исследование и его результаты. Он говорит: «Это я делаю. Это мой выбор. Это результат моей работы. И я за это отвечаю». В российских практиках мы видим другое – привычное понимание высокой роли теории и метода как фундаментальных познавательных позиций исследователя, которые позволяют добиваться ценностно-нейтральных научных результатов, т.е. происходит выключение себя из исследования. По сути дела, это, наоборот, скрытая идеологичность, диктат. Эту идею мы сейчас почти не обсуждаем.

И самое последнее, приоритетные исследовательские позиции в *cultural studies* – это, прежде всего, критическая рефлексия и саморефлексия. И все образовательные программы начинаются с этого. Зачем поставлен этот курс, если он не ведет к развитию критической рефлексии? Если не ведет, его не надо ставить в программу. Он не нужен тому, кто в русской версии называется «культуролог». Методологический структурализм, постструктурализм, гендерный подход, мультикультурные семиотические подходы, дискурс-анализ, – это все обычные процедуры, которые работают операционально. Почему? Потому что культурные объекты рассматриваются с точки зрения их производства, продвижения, распространения, легитимации, потребления. В конечном счете, все существует в отношениях автор – продукт – контент продукта, который раскрывается, когда появляется читатель, зритель, потребитель культурного продукта, независимо от того, что потребляется – Шекспир или мыльная опера. Отсюда упор и в исследовательских, и в образовательных практиках *cultural studies* делается на изучении технологий производства, продвижения и потребления конкретных культурных форм и процессов. В российских же практиках по-прежнему идет апелляция к эпическому повествованию. Отсюда те курсы, которые и в нашей программе стоят. Мы сами стесняемся того, что мы делаем. Но эта традиция пока непреодолима. Например, такой многосеместровый курс, который называется «История мировой культуры», такой метанарратив, по крайней мере, по названию. Вопрос: что с этим делать, куда это

поставить? Зачем же обманывать наших студентов, представляя им то, что непредставимо? Как сочетать предложение и необходимость фундаментального знания о культуре с исследованием конкретных культурных форм в историческом прошлом и в современности, умение работать с разными видами текстов, с разными культурными объектами? Как это соединить? Это остается проблемой российской культурологии.

Сергей Дмитриевич Серебряный, д.филос. н., директор Института высших гуманитарных исследований РГГУ

Мы давно с Галиной Ивановной об «этой культурологии» спорим. Честно говоря, я считаю, что это слово незаконно в русском языке, и, надеюсь, оно когда-нибудь исчезнет. Галина Ивановна достаточно откровенно обрисовала ситуацию, а я бы сформулировал ещё жестче. Не секрет – вы об этом сказали, и у Бориса Степанова в тексте написано – культурология была дисциплиной, спущенной сверху для того, чтобы трудоустроить бывших преподавателей марксизма-ленинизма. Они схватились за это слово, которое в советское время использовалось в основном нонконформистами. Те учебники по культурологии, которые я читал, – слегка подновленный истмат, приправленный Лосевым, Бердяевым и т.д. Галина Ивановна все эти годы героически пыталась наполнить «эту культурологию» каким-то более осмысленным содержанием. И сейчас заявлена программа - превратить нашу отечественную культурологию в нечто подобное западным *cultural studies*. Характерно, что советские культурологи об этих *cultural studies* ничего не знали, они из другой почвы выросли.

Насколько я понимаю, отечественная культурология и западные *cultural studies* – это совершенно разные вещи. Как вы сами показали, это совершенно разные способы обращения с материалом, выросшие из разных культурных традиций. Дай вам бог, если вам удастся убедить наше начальство под названием «культурология» укоренить у нас *cultural studies*. Но мне кажется, что это – некий обманный ход. Можно сказать: «Вы, если хотите, занимайтесь вашим истматом, а мы будем делать другое, мы будем делать, не знаю, как это по-русски назвать, но то, что на Западе называется *cultural studies*». А выдавать одно за другое – это, всё-таки, некоторый подлог, мне кажется. Вообще, все учебники по культурологии начинаются с подлога. Они говорят: «Есть наука культурология, и её можно возводить к кому угодно, хоть к законам Хаммурапи».

Г.И. Зверева

Сергей Дмитриевич, я совершенно счастлива, что моя провокация удалась. Но то, что я сказала относительно российской культурологии, я не свожу только к этой линии. Я сознательно представила эти две версии как противоположные друг другу. То, что происходит сейчас в современном пространстве российского социально-гуманитарного знания, к счастью, гораздо сложнее, чем то, что я сейчас пыталась показать. Мой опыт общения с молодыми коллегами и опыт работы в школах молодых исследователей в 1990-е – 2000-е, и мой опыт чтения научных работ, которые касаются изучения культуры, убеждает меня в том, что есть очень хорошие другие результаты.

Мария Сергеевна Неклюдова, Ph.D. in Comparative Literature (UCLA). старший преподаватель кафедры Истории и теории культуры, РГГУ

Сергей Дмитриевич побудил меня истратить драгоценные пять минут, и вместо своей запланированной реплики произнести что-то более ситуативное. Во-первых, я хотела бы сказать, что происхождение не является грехом, иначе получается теория первородного греха. Раз мы произошли от этих марксистов-ленинистов, уж их не осталось, слава Богу, так мы теперь должны нести этот крест всю жизнь?! Что касается

сути дела, то, как мне кажется, показанное Галиной Ивановной расходится на две части. У меня больше опыт работы с американской учебной системой, нежели с европейской, поэтому я буду говорить сейчас об американском и российском опыте. В общем, мне кажется, дилемма такова: видимо, мы должны оставить полностью привычную историческую модель изучения дисциплины. Если мы стремимся модернизировать культурологию, мы должны отказаться этой модели. Мы сейчас пытаемся дать и историческое, и методологическое содержание, в то время как американская система даёт только методологию, она не даёт историю. Исторические дисциплины практически не существуют, вместо этого студент, не осознавая исторической значимости или исторической глубины текста или явления, умеет с ним работать. Каким-то образом это конечно примитивизирует, с нашей точки зрения, предмет или текст, но при этом студент владеет методологией.

Но это возможно только при специфической общественной ситуации. Почему американский студент может овладеть этой методологией? Почему мы не можем научить наших студентов никакой, даже самой простой методологии? Потому что у американских студентов есть очень чёткая социальная позиция. Это идёт из понимания самого себя внутри общества, из моральной точки зрения. Когда американские студенты читают повесть Гоголя «Нос» в курсе по мировой культуре, им всё равно, что это Россия, что это мелкий чиновник Башмачкин. Они понимают это, они идентифицируются, исходя из того, где хорошо, где плохо. Для них повесть Гоголя не несёт никакой исторической информации, она рассказывает о ещё одном виде несправедливости, и поэтому у них создаётся некоторая система. И, конечно, эта система для нас абсолютно чужда. Но, если мы хотим развивать культурологию как современную науку, нам, видимо, надо переходить на абсолютно социологический подход. Главная проблема культурологии, как мне кажется, – нам надо понять самим, чего мы сами хотим. Потому что наша неопределённость связана с тем, что мы преподаём и не знаем, к какому конечному результату мы обращаемся. Этого не знают наши студенты, этого не знает никто, и поэтому положение культурологии по сравнению с традиционными дисциплинами более уязвимо. Но это положение отражает глобальное положение. Мы сейчас переходим на бакалавриат, перед нами стоит некоторая проблема – кого мы готовим? Потому что система «бакалавр – магистр» даёт возможность наконец-то честно сказать: мы не готовим специалистов (я не имею в виду старую классификацию), мы не готовим людей для того, чтобы они профессионально занимались культурологией, мы готовим просто образованных людей. Это просто базовое гуманитарное образование для того, чтобы человек мог дальше существовать в обществе, а уже для магистров мы начинаем изобретать дисциплину «культурология», что действительно, я согласна с Сергеем Дмитриевичем, очень сложно. Но бакалавриат лишается этой проблемы, и, если мы сможем этого добиться, это будет очень толково.

Вопрос из зала Г.И.Зверевой:

Галина Ивановна, существуют ли какие-то различия в рынках, на которые попадают выпускники образовательных программ в области культурологии и *cultural studies*?

Г.И. Зверева

Действительно, возникает вопрос, где пригодны наши выпускники? Сейчас наши выпускники последних лет стали более пригодны для российского рынка. Почему? Потому что они знают, когда они выбирают место работы, как себя представить в резюме

и интервью. В зависимости от того, на какое место работы они приходят, они умеют представить себя по-разному, и у них это получается. В этом я вижу величайшее достижение той программы, которую мы делаем. Не у всех это получается, но я скажу, где работают наши выпускники: они работают на телевидении, на радио, в рекламных агентствах, в туристических агентствах – это прикладные позиции; работают очень успешно в маркетинге, мне неловко говорить, но я ужасно этим горжусь. У меня уже есть три выпускника, которые буквально за три года выросли, идут на повышение и сейчас получают второе образование. Вопрос – почему их предпочитают? Потому что они умеют делать то, что не умеют делать другие. Значит, мы их чему-то научили. Есть и другая позиция – это умение работать в образовании: средняя школа, высшая школа. Что касается научных позиций или академических, они сейчас в таком неопределённом положении, что говорить об этом институте довольно сложно. Если в академию – то это куда? Эта позиция настолько размыта, что я не берусь ее обсуждать. Но если человек хочет заниматься тем, что он называет наукой, то он найдёт такую возможность независимо от того, где он будет работать.

Что меня смущает в наших образовательных программах? Это то, что «история культурологии» представлена как эволюционный линейный процесс, и поэтому у нас органично из Данилевского вырастает почему-то Шпенглер, а из Шпенглера – Тойнби. И студенты в итоге знают какие-то пустые вещи, потому что это отрыв полный от контекста. Моему плохому студенту всё равно, когда был написан «закат Европы», в 18-ом году или в XXVIII веке. А ведь каждое понимаемо только в своих условиях. Поэтому плохие студенты не умеют потом работать. Он знает что-то смутное про Шпенглера, но не умеет работать на своём рабочем месте. В этом проблема.

Татьяна Дмитриевна Венедиктова, д.филол.н., профессор кафедры истории зарубежной литературы МГУ

Извините, что задаю этот вопрос, опоздав на первую часть выступления, но меня очень заинтересовал один вопрос, прозвучавший под конец. Получается так, что освоение традиции *cultural studies* в России сегодня предполагает принципиальное вычитание левого радикализма 60-ых, на котором они выросли. И меня это интригует по-настоящему. Я бы согласилась с Марией Неклюдовой, в том смысле, что их устойчивость в западном пространстве, в американском, в частности, как раз обусловлена тем, что эта простая леворадикальная схема (более простая или более изошренная) попечения о социальной справедливости все время оставалась в основе. Коль скоро мы ее вычтем, у нас получается эстетское копошение в бесконечности культурного материала, либо ноу-хау, прилагаемое к маркетингу. И вот это «или-или» меня как некоторый тупик заботит, получается третьего не дано?!

Г.И. Зверева

Здесь есть колоссальное различие. Если мы изучаем историю этого направления, то мы должны очень бережно и корректно относиться к нему и понимать, что 50-ые – это 50-ые годы, и Реймонд Уильямс в 60-ые – это именно он, именно в 60-ые! Но если мы хотим приложить этот опыт как некий совокупный опыт, технику анализа к современным российским практикам, то я бы здесь оставила именно критический анализ. Сама идея критики истеблишмента – вот что ценно. Брать или не брать марксизм-ленинизм – это уже ваш личный выбор. А критическая позиция обязательно должна быть.

Оксана Вячеславовна Гавришина, кандидат культурологии, доцент кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ

У меня краткая реплика, которая является альтернативным или может быть дополняющим ответом на вопрос Татьяны Дмитриевны Венедиктовой. Она касается вопроса о специфике той дисциплины, в которой мы хотим работать, как бы мы ее ни называли – культурология или *cultural studies*... Об этом совсем недавно шла речь в Московской высшей школе социально-экономических наук, на симпозиуме «Пути России», который в этом году был посвящен социологии культуры. Борис Владимирович Дубин и Лев Дмитриевич Гудков обращали внимание на то, что, когда мы вводим дисциплину «культурология» или «исследования культуры», мы вводим критическую позицию соотнесения различных сфер. И у британского исследователя Ричарда Джонсона в статье, которая тоже была в рассылке, применительно к этому здорово была использована метафора химической реакции. Культурность – это запуск некоторого способа соотнесения, критического – но не как критики в привычном смысле слова, а как понимания того, каким образом разные сферы между собой соотносятся. В этом смысле культурные исследования описывают современный проект, который возможен в России точно так же, как он есть в Великобритании и в США. К слову, я хотела бы отметить, что британские и американские *cultural studies* отличаются очень сильно. Или, так скажем, британские *cultural studies* 50-х, 70-х и начала 80-х годов очень сильно отличаются от интернациональных *cultural studies* 90-х, 2000-х годов. И очень важно понять, что необходимо не просто отказаться от леворадикальной критики. Дело в том, что эта леворадикальная критика в наших условиях не будет автоматически выполнять ту функцию, которую она выполняет в западных. Надо подумать, что будет выполнять эту функцию в наших условиях. Мне кажется, очень большой ресурс в России заложен не только в академических практиках, но шире: в практиках художественных, в опыте русского авангарда, концептуализма. Многие вещи, которые были сделаны и проговорены в рамках художественной культуры 70-х годов, обладают, как мне кажется, очень серьезным именно теоретическим потенциалом. Он не пока востребован, но он там есть. Думаю, что этот опыт может заполнить функцию левого радикализма. Сама по себе эта леворадикальная позиция не плоха, не хороша, но как внешняя она не работает. И мне кажется, что именно в этой области поиска оснований, поиска позиций лежит основной *challenge*, основная проблема нашего образовательного и профессионального определения.

Борис Евгеньевич Степанов, кандидат культурологии, ст. научный сотрудник ИГИТИ ГУ-ВШЭ, ст. преподаватель кафедры истории и теории культуры РГГУ

Как мне кажется, сегодня мы уже в большой мере прошли тот этап, когда слово «культурология» вызывало у нас трудности самоидентификации. Однако при том, что ситуация в культурологии за последние годы изменилась к лучшему, все-таки инфраструктура дисциплины пока не сложилась. Нет нормальных пособий по этому предмету, а те, которые имеются, разрознены или выпускаются маленькими тиражами, не сформировалось и журнальное пространство. Я в своей преподавательской деятельности в большой степени нахожусь в зависимости от Интернета, от того, что я могу разослать студентам в электронном виде, поскольку рекомендовать студентам обратиться к фондам библиотеки получается далеко не всегда.

Я бы хотел также обратить внимание на социальный аспект проблемы и говорить не столько о программе обучения профессиональных культурологов, сколько о культурологии как учебном предмете. Моя статья именно на этом опыте основана. В продолжение того, о чем говорила Оксана Гавришина, я бы хотел сказать, что проблема преподавания культурологии заключается в том, что нам приходится представлять в

аудитории научно состоятельное знание о культуре, но и также и формировать собственно культурный опыт тех людей, которые приходят в аудитории. Мне не хотелось бы говорить только лишь о том, что уровень подготовки становится все ниже. Более существенный вопрос в том, как использовать в аудитории культурные ресурсы, как сочетать факты и опыт, которые могут транслироваться посредством искусства и литературы, и проблематизацию того, что люди воспринимают вокруг себя. В этом смысле те факты и примеры, на которые мы опираемся, не менее важны, чем те понятия, которые мы употребляем. И наша стратегии преподавания должна учитывать и то, на какую почву этот курс будет ложиться, и то, в какое состояние этот курс и транслируемое нами знание может привести культурный опыт наших слушателей.

При этом, мне кажется, стоит иметь в виду перспективу всего университета в целом. Действительно, преподавание знания о культуре людям, которые культурологами не станут, это и есть проблема университета. Какую функцию это знание выполняет в университетском образовании? Отсюда вытекают вопросы, во-первых, о том, каким образом оно должно быть организовано в стандартных курсах по культурологии, которые читаются в рамках учебного плана, во-вторых, - о том, какие возможны внеучебные внеплановые формы преподавания знания о культуре. В связи с этим, я могу сослаться на наш опыт программы Общеуниверситетских гуманитарных факультативов ИГИТИ ГУ-ВШЭ, где мы пытаемся это знание о культуре представлять во внеплановом режиме. И получается, что это вопрос университетского пространства, т.е. такого, в котором знание о культуре, обращенное к свободному выбору и интересу студентов, сосуществует вкуче с разнообразными формами культурной активности и востребовано как актуальное и ценное.

Ольга Олеговна Рогинская, к. филол. н., преподаватель факультета философии ГУ–ВШЭ и Общеуниверситетских гуманитарных факультативов ИГИТИ

Мне близка идея, что, давая некое знание о культуре студентам, которые к гуманитарному знанию почти никакого отношения не имеют, мы, прежде всего, формируем в них потребности и способности задавать вопросы, дистанцироваться от той позиции потребителя, которую они занимают по отношению к культурным ценностям, их окружающим. Когда я начала работать с экономистами, сразу поняла, что разговор о культуре в форме трансляции имен и фактов не имеет смысла. Потому что у них не хватает фундаментальных знаний, чтобы встроить те имена и тексты, которые мы предлагаем, в нужный, правильный контекст.

Трудность привлечения личного опыта студентов – опыта, который у них как у жителей большого города является весьма разнообразным, - заключается в том, что этот опыт характеризуется, как правило, потребительским отношением к тому, что их окружает. И я, в частности, попыталась предложить студентам в качестве зачетной работы защищать в формате презентации свои проекты, которые рассказывали бы, например, о неких посещаемых ими кафе или о читаемых журналах, или о любимых телевизионных каналах, то есть о тех или иных культурных явлениях, к которым они равнодушны. Предполагалось, что студенты должны были осуществить усилия по дистанцированию и рефлексии в отношении того, каким образом производятся и в каком контексте находятся те культурные смыслы, которые они почти автоматически потребляют. Оказалось, что действительно самая большая сложность, с которой сталкивались студенты, это именно невозможность выйти из позиции потребителя. Скажем, они рассказывали о журнале «7 дней» и от себя транслировали те тексты, из которых этот журнал и состоит. Им оказалось трудно встать в позицию наблюдателя,

рефлексирующего выбранный объект. И мы снова возвращаемся к тому, от чего изначально пытаемся оттолкнуться - что недостаток фундаментальных знаний приводит к тому, что просто не хватает слов для описания собственного опыта.

Виталий Анатольевич Куренной, к.филос.н., доцент, заведующий кафедрой наук о культуре ГУ-ВШЭ

Я хотел бы обратить внимание на такой странный парадокс. Несмотря на бурный расцвет культурологии, даже элементарная подборка, пригодная для использования в учебном процессе по *cultural studies*, на русском языке отсутствует. И меня поражает: как можно вообще заниматься культурологией, не решив, что называется, элементарных проблем, связанных с самым базовым образовательным уровнем, с формированием корпуса текстов, который может использоваться в образовательном процессе? Все мы преподаватели, все мы прекрасно понимаем, что если текстов нет, говорить дальше не о чем.

Кроме того, хотелось бы напомнить, что здесь нельзя сослаться на то, что все такие замечательные и в оригинале читаем тексты, представляющие эту традицию. Если не осуществлен перевод (русская культура – это переводная культура), то это означает, что работа по осмыслению, по адаптации не была произведена.

Когда мы говорим о проблемах культурологии как сферы знания и преподавания, то нужно отдавать себе отчет, что все это в значительной степени фундировано теми институциональными проблемами, с которыми мы вообще сталкиваемся в нашем образовании. И надо сказать, что сфера исследований культуры (называя нашу кафедру, мы изначально старались отказаться от слова культурология) – действительно, смысловой фокус разных методологических подходов. Эта сфера вообще рождается как некая попытка выйти за пределы дисциплинарных границ, в каком-то другом исследовательском пространстве решать исследовательские, в том числе ценностно-ангажированные задачи, чему *cultural studies* являет наглядный пример. Естественно, что для того, чтобы реализовывать такого рода практику - и образовательную, и исследовательскую - требуется определенная институциональная гибкость. Но, к сожалению, в нынешней механике образовательного процесса эта гибкость отсутствует. Поэтому все равно произойдет реификация культуры, а вместе с ней появятся и эти эпические курсы, о которых говорила Галина Ивановна. И не потому, что нет прекрасных людей, которые это понимают, а потому, что учебный процесс негибкий, не мобильный, не позволяет перестраиваться, что в этой области является принципиально важным. Просто менять в зависимости от смены методологической моды наполнение образовательного процесса – крайне сложно, а здесь это является принципиальным. А потому процессы, которые Галина Ивановна обозначила (и я с этим полностью согласен), являются эффектом во многом институциональным, организационным и функциональным.

И еще хотел бы сделать одно замечание по поводу *cultural studies*. Мне очень понравилось, что во многих выступлениях прозвучало, что есть моральный, ценностный элемент, который здесь заложен. И мне кажется, что из *cultural studies*, конечно, изъять его абсолютно не представляется возможным. Действительно, это даже не направление, а некоторая серия исследовательских проектов, которые привлекали к себе людей, вообще говоря, на определенных ценностных и идеологических основаниях. В этом состояло условие возможности того, что это дисциплинарное поле конституировалось. Невозможно

просто сделать вид, что этого нет. Конечно, это никакое не леворадикальное направление, это - социальная критика. Из нее нельзя убрать моральную, идеологическую составляющую, которая, по сути дела, и стимулировала все эти исследования. И важно проделать работу, которая у нас, как мне кажется, не проделана – некую саморефлексию того, как попытки исследования культуры, рецепции методологических средств, которые используются в *cultural studies* сегодня, сыграют именно у нас (и даже в исследованиях тех людей, которые здесь присутствуют), в современных ситуациях. Я напому очень странную вещь, которую претерпевали межкультурные трансферы, когда концептуальные средства переносились в постсоветскую Россию. Тот же постмодерн, который сыграл как некоторая попытка критики советского, тоталитарного прошлого и его остатков, хотя в действительности это по своим установкам левая вещь, и то, от чего здесь пытались отталкиваться, – это то, к чему там пытались, напротив, стремиться. И когда приезжал Деррида и говорил, что самое время перечитать «Немецкую идеологию» Маркса, то этого люди совсем не понимали. То же самое и с *cultural studies* – методологическая рецепция оказалась обращена не к тем проблемам, которые в действительности вдохновляли это течение. У нас сейчас есть очень развернутая и оформленная критика советского периода и возрождения советского в современной России. Однако, когда приезжают, к примеру, Хардт или Негри, они говорят, что советский опыт – это же как раз то, что представляет интерес, что мы должны ценить. Я бы сказал, что правильные слова, которые здесь употребляются – дистанция, критическая рефлексия, то, что предполагает некоторую критическую дистанцию... Но вот непонятно, зачем эта критическая дистанция? Конечно, есть элементарное дистанцирование ученого от своего предмета – это одно. Но если мы говорим об оформленном движении, которое объединяется на основе некоей ценностной платформы, то эта платформа отсутствует.

Но я все равно очень положительно смотрю – к сожалению, нас покинули представители кафедры прагматики культуры – потому что понятно, что есть целое направление, которое отстраивается, и это вполне объективный и хороший процесс. Да, культура – это сфера потребления, и нужно оптимизировать это потребление, нужно качественно потреблять, потреблять качественные культурные товары, стимулировать это потребление...

Реплика из зала

А творчество?

В.А. Куренной

Какое творчество? Ключевая фраза у Минаева в «Духлесс» - я ищу качественное потребление...

Реплика из зала

И что, мы отказываемся от понимания культуры как творчества?

В.А. Куренной

Я сейчас говорю не о культуре, а о позициях, которые вокруг культуры выстраиваются. Если отстроится эта по-своему здравая и правильная позиция «культура как стимулятор потребления», то тогда отстроится и позиция критической рефлексии.

Реплика из зала

Хотя время уже вышло, и уважаемая ведущая просит закругляться, но мне все равно хотелось бы коротко выступить, мне кажется, такие позиции здесь совсем не

звучали. Я заведующая кафедрой культурологи среднестатистического технического университета. Я представляю рынок труда, на который выпускники культурологических отделений не идут. У меня из 12 человек, работающих на кафедре, нет ни одного человека с базовым культурологическим образованием. Культурологию преподают в основном историки и филологи. Я бы хотела обратить внимание на следующее: как бы ни конституировалась культурология как сфера научных изысканий, как специальность, по которой производят выпускников, пока культурологию будут преподавать в обычных вузах не специалисты (я не говорю о Высшей школе экономики, это все-таки статусный университет – я говорю про основную массу технических вузов, куда культурологи не идут по понятным причинам), то этот разрыв между теорией, изысканиями, саморефлексией науки и реальным предметом, который востребован социально, будет огромен... А это, между прочим, единственная сфера социальной востребованности культурологов: реклама – хорошо, телевидение – хорошо, они насытятся, а вот вузовское техническое образование, не гуманитарное – это будет тот сектор, который будет постоянно востребовывать культурологов. Потому что культурология останется как предмет – она сейчас входит и в федеральный образовательный компонент. И жаль, что сегодня не поднимается проблема о преподавателе культурологии – это слишком, наверно, банальная, неинтересная и грязная работа, чтобы ей заниматься, но это реальная, актуальная проблема.

Продолжение следует...